УДК 821.581+82-14+82-16+801.679

*Е. И. Митькина***К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ,
СТИЛЯ И ОБРАЗОВ ПОЭЗИИ ЛИ БО НА ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА
ЭПОХИ ЦИН ХУАН ЦЗИНЖЭНЯ**

Значение поэзии эпохи Тан (VII–X вв.) на всю историю китайской литературы трудно переоценить. Не случайно именно эпоху Тан считают «золотым веком поэзии». Она выделяется и количеством сохранившихся до наших дней произведений, и тем, сколько гениальных поэтов жили и творили в один и тот же исторический период, и новшествами в отношении формы стиха. Самым великим поэтом Китая считается Ли Бо, живший и творивший именно в эту эпоху. Его имя широко известно не только в самом Китае, но и за рубежом. Это был поэт, оказавший огромное, если не сказать самое значительное, влияние на всю поэзию последующих лет. Не стал исключением и Хуан Цзинжэнь (1749–1783), другой не менее известный поэт, живший в середине XVIII в. во времена правления Цяньлуна. Современники и потомки называли и называют его «цинским Ли Бо». Веселый нрав, легкий характер, искрящаяся поэзия Ли Бо импонировали Хуан Цзинжэню. Казалось, Ли Бо обладал всеми теми качествами, о которых мечтал Хуан.

Поэзию Ли Бо и Хуан Цзинжэня объединяет легкость слова, простота, неперегруженность словесными излишествами. Оба поэта писали стихи легко, подчиняясь велению сердца, а не какой-то идее, форме, и именно это делает возможным сравнение двух поэтов, разделенных тысячелетием. И для великого Ли Бо, и для его цинского воплощения Хуан Цзинжэня поэзия была способом передавать свои чувства, которые находятся вне эпох, и их невозможно вместить ни в какие рамки, ограничить формулировками какой-либо школы.

В то же время особенности личности внесли поправки в творчество этих двух поэтов.

В чем же состояло их принципиальное отличие? Прежде всего, полярная направленность настроения поэзии. Для Ли Бо это положительный настрой, для Хуана — отрицательный. Если Ли Бо все воспринимал с оптимизмом, и этим радостным чувством пронизано большинство его стихов (и даже мрачные раздумья, как правило, у него сопровождаются надеждой и верой в лучшее завтра), то Хуан относился ко всему пессимистически. Печаль, тоска, грусть — такими настроениями проникнута вся его поэзия. И Ли Бо, и Хуан Цзинжэнь любили выпить вина в шумной компании, но если Ли Бо, опьянев, приходил в состояние безудержного веселья, депрессия Хуана становилась еще глубже и печальнее.

Но, несмотря на эти различия, Хуан Цзинжэнь видел в Ли Бо родственную душу, пример для подражания. Конечно же, он не был в этом оригинален. Редкий литератор прошлого не говорил о своем почтении к великому танскому поэту. Но мало кого еще при жизни сравнивали с Ли Бо. Про Хуана же многие современники и говорили, и писали, что его стихи достойны поэзии прославленного предшественника. Когда-то в далекие времена правления династии Тан поэт Хэ Чжичжан назвал своего друга Ли

Бо «бессмертным, низвергнутым с небес». Спустя тысячу лет друг Хуан Цзинжэня Хун Лянцзи напишет, что Хуан — это «вновь спустившийся на землю бессмертный, низвергнутый с небес».

Хуан преклонялся перед Ли Бо — перед его личностью, характером и перед его талантом. Изю всех сил он старался подражать своему великому предшественнику. Цзо Фу в «Биографии помощника начальника уезда Хуана» так говорит про него: «Талант его подобен таланту Ли Бо, в его поэзии отражается его душа и она насыщена глубоким светом...». Пань Ин в книге «Собрание стихов» также отмечает схожесть стилей двух поэтов: «Стихи [Хуана], написанные семисловным древним стилем, изменчивы и волшебны, они похожи на стихи Цинляня (Ли Бо)». Таким образом, даже по стилю поэзии можно судить о духовном родстве Хуана и Ли Бо. Хуан чаще всего выбирал именно стихи древнего образца, а не уставные. В стихах *гуши* было больше свободы, простора для творчества — «при написании стихотворений принцип чередования тонов пин и цзэ мог игнорироваться или соблюдаться в небольшой степени, и такие произведения назывались *гути ши* (стихи древней формы). Главное внимание в них уделялось размеру, т.е. количеству слов в строке, причем преобладали пятисловные и семисловные стихи» [1, с. 11]. Хуану словно было тесно в строгих рамках уставного стиха, его таланту нужен был простор, который ему и давали стихи древней формы.

В поэзии Хуан Цзинжэня часто можно найти отсылки к поэзии Ли Бо, наиболее часто встречающиеся — к «Сяньянской песне». В 725 г. Ли Бо отправился из Сычуани на восток. Вскоре он женился на внучке бывшего первого министра в Аньлу (Хубэй). Сяньян находился недалеко от Аньлу и, вероятно, написано стихотворение было именно в этот период. «С г. Сяньян связана история о посадском начальнике Шань Цзяне, что любил там погулять и, захмелев, засыпал в кустах без шапки, что считалось непристойным» [2, с. 179]. Шань Цзянь (253–312) был сыном члена поэтического объединения «Семь мудрецов из бамбуковой рощи» Шань Тао. Про него даже сочинили детскую песенку: «Куда отправился Шань-гун? Он едет к пруду Гаоян. Под вечер возвращается задом наперед, мертвецки пьян — не понимает ничего...». До наших дней дошли даже идиоматические выражения-чэнъюй о Шань Цзяне. Стихи, посвященные ему или упоминающие его имя, можно найти не только у Ли Бо, но и у Мэн Хаожаня, Ван Вэя и др.

Ли Бо сравнивает себя с Шань Цзянем, видит сходство в их жизни, в пристрастии к вину. И хотя Ли Бо, как и Шань Цзянь, вел свободный, даже распущенный образ жизни, однако в его поэзии не было и намека на грусть и депрессию. В своей «Сяньянской песне» он создает образ веселого, искреннего, непосредственного поэта-пьяницы. Этот образ был особенно любим и Хуан Цзинжэнем. Сам он также любил дружеские пирушки, описывал их в стихах, однако его поэзия не дает того ощущения веселья и непосредственности, что пронизывает все стихотворения танского предшественника. Может быть, в силу характера, может быть, из-за жизненных обстоятельств, сам Хуан не мог полностью погрузиться в лихое, безудержное веселье. Однако он всегда мечтал об этом недоступном для него ощущении. Хуану хотелось предаваться пьянству с тем же чувством внутренней свободы, что и Ли Бо. Вероятно, поэтому отсылки к «Сяньянской песне» мы находим во многих стихах поэта.

Возьмем, к примеру, строку из стихотворения «Пишу на стене питейного заведения»:

Детишки смеются над распевавшим песни гостем,
Слуги тоже смотрят свысока на заблудившегося человека.

Здесь мы видим отсылку к «Сянъянской песне» Ли Бо:

Ну, веселье для сянъянской ребятни,
Все горланят: «Ах, копытца медные».
Не смеяться над почтенным кто бы смог?
Распластался, точно глиняный комок [2, с. 178].

Хуан как бы сравнивает себя с Ли Бо — тут как раз и проявляется его тайное желание быть похожим на великого поэта. Однако в насмешках детворы он видит не еще один повод для собственного веселья, а попытку оскорбить, насмешку, что видно из следующей строки — не только детишки смеются над ним, но еще и слуги относятся с презрением к скитальцу. Кстати, вторая строка отсылает нас к другому танскому поэту — Ван Бо (649–676), точнее, к его предисловию к стихотворению «Во дворе Тэнского князя», в котором есть следующие строки:

Заставы и горы трудно пересечь,
Кто пожалеет заблудившегося в пути?

Эта фраза — «заблудившийся в пути» — позднее стала использоваться для обозначения человека, который все время терпит неудачи, которому приходится странствовать, скитаться. И это определение как нельзя лучше подходит к Хуан Цзинжэню. А из-за гипертрофированного чувства собственного достоинства ему казалось, что над ним посмеиваются; это и нашло отражение в стихотворении «Пишу на стене питейного заведения».

Еще одна мысль из «Сянъянской песни» Ли Бо также казалась бедному, если не сказать нищему, Хуану важной:

За свежий ветер и ясную луну не надо платить.

Несмотря на бедность, Хуан, как и Ли Бо, понимал, что еще остались вещи, которые не подвластны силе денег. В стихотворении «Отвечаю Цю Йоу» он выражает практически ту же самую мысль:

Цветы и луну никогда нельзя было купить за деньги.

Ветер и луна у Ли Бо, *цветы и луна* у Хуан Цзинжэня — те самые не продающиеся за деньги ценности, которые доступны любому, кто может понять их значимость и истинную стоимость, точнее, бесценность.

Еще один образ можно найти и у Ли Бо, и у Хуана — это образ гадателя Цзюньпина. Цзюньпин — это *цзы* (второе, неофициальное имя) Янь Цзуня (86 г. до н.э. — 10 г. н.э.), знаменитого гадателя эпохи Хань, жившего отшельником близ г. Чэнду. В «Истории Хань» сказано, что «Цзюньпин занимался гаданием на площади в Чэнду <...> Каждый день он гадал нескольким людям, получал за это по сто монет, которых как раз хватало на пропитание. Заработав эти деньги, он закрывал лавку и, опустив занавески, изучал “Лаоцзы”» [3, с. 109].

У Ли Бо имя Цзюньпина встречается во многих стихотворениях, к двум из них Хуан Цзинжэнь обращается особенно часто. Первое из этих стихотворений относится к циклу «Дух старины»:

Цзюньпин отринул мир,
А мир отвернулся от Цзюньпина [4; 15].

Речь идет о невозможности гармоничной жизни поэта в обществе и с обществом, тот, кто благороден и высокоморален, должен укрыться, спрятаться от этого грязного мира. В этом плане Цзюньпин становится примером для подражания — и для танского Ли Бо, и для цинского Хуана:

Цзюньпин не смог ужиться с миром.

(«Просыпаюсь ночью» [5, с. 145])

У Хуана эта строка звучит особенно пронзительно, ибо она выстрадана. Тема несоответствия поэта тому обществу, в котором ему приходится жить, неспособности мира понять его, пронизывает все поэтическое творчество Хуана.

Другое знаменитое стихотворение Ли Бо, в котором он упоминает Цзюньпина и на которое неоднократно ссылается Хуан Цзинжэнь, — «Провожая друга, отправляющегося в земли Шу», написанное в 743 г.:

Взлеты и падения — все уже решено,
Нет нужды просить Цзюньпина погадать.

Упомянув Цзюньпина поэт деликатно намекает другу на то, что не стоит слишком увлекаться стремлением к славе и богатству.

В нескольких стихотворениях Хуан отсылает читателя к этим строкам. Например, в знаменитом цикле «Разные чувства»:

Обо всех взлетах и падениях не надо просить Цзюньпина погадать.
Я уже приготовил бамбуковый шест, чтоб ловить рыбу весной на Янцзы.

Двадцатичетырехлетний поэт писал этот цикл, когда жил у Чжу Юня, инспектора по образованию в провинции Аньхуэй. Несмотря на то что Чжу Юнь высоко почитал талант Хуана, зависимое положение было невыносимо поэту. Он с трудом выдерживал завистливые взгляды других людей, живших у Чжу. Он чувствовал себя лишним, не вписывающимся в принятые здесь рамки (впрочем, эта же ситуация и эти же ощущения повторялись в жизни поэта достаточно часто). Поэтому мысли об отшельничестве, об отказе от чиновничьей карьеры были для него привычными в этот период жизни. И образ отшельника Цзюньпина, жившего в гармонии с самим собой, был близок ему так же, как и его предшественнику.

Говоря о влиянии поэзии Ли Бо на поэзию Хуан Цзинжэня, несомненно, любой исследователь вспомнит про стихотворение-поэму «Могила Ли Бо». В 1771 г. двадцатитрехлетний поэт только поступил на службу к Чжу Юню. В 12-м месяце компания сослуживцев вместе с самим инспектором отправилась поклониться могиле великого танского поэта на гору Сегуншань. А Хуан, который всегда преклонялся перед Ли Бо, потом совершил еще одну поездку к могиле великого предшественника. Именно во второй свой приезд он и написал знаменитое стихотворение «Могила Ли Бо». Пань Ин писал: «У Чжунцзэ талант выдающийся, в детстве его называли талантливым ребенком. Сюэши Чжу Чжуцзюнь называл его гением, и это не пустая слава, его стихи заимствуют все самое лучшее из поэзии начиная от эпох Хань, Вэй, Шести династий и кончая эпохами Тан и Сун. Он сам стал одним из столпов поэзии <...> В его стихах о могиле Ли Бо сказано: “我所师者非公谁 — У кого мне учиться, если не у вас, Ли Бо?”» [6, с. 40]. И эти слова Хуана можно считать «программными» для его поэзии.

Итак, разберем знаменитую поэму «Могила Ли Бо». Прежде всего стоит сказать о форме. Многострочная поэма такого большого объема не была характерна для творче-

ства Хуана. В ней 43 строки, причем одна строка состоит из двусложного междометия, а две первых строки — пятисловные, все остальное стихотворение — семисловное.

В первых четырех строках Хуан описывает свое горячее желание выразить почтение Учителю:

Еще в детстве читал Ваши стихи.
А сегодня пришел совершить обряды на Вашей могиле.
С Янцзы доносится легкий ветерок,
Я хочу выразить Вам этой скромной данью свое преклонение.

Смерть великого поэта Хуан сравнивает с падением звезды, оставившей след в душах людей:

Эх,
Даже такой талантливый человек, как Вы, не избежали смерти.
Но я знаю, что Вы по-настоящему не умерли.
Вы подобны планете Венере, что спустилась на Землю три тысячи лет назад,
Оставив всего лишь пепел на дне озера Куньмин.

Не случайно в этом отрывке упоминается планета Венера. Ведь согласно легенде (и даже в няньпу — хронобиографии Ли Бо она отражена) вечером накануне рождения Ли Бо его матери приснилась Венера (по-китайски — Чангэн, но есть и другое название — Тайбо). Поэтому новорожденного и назвали Бо и дали ему второе, неофициальное имя — Тайбо.

В этом же пятистишье мы находим еще один интересный образ, который кроме всего прочего связан с буддизмом. В «Жизнеописании буддийских монахов» рассказывается история ханьского Уди, который на дне маленького озера Куньмин в Сиани нашел черный пепел. Уди спросил знаменитого Дунфан Шо об этом пепле. Дунфан Шо ответил: «Я не знаю, можно спросить варваров западного края». Потом приехал Фалань. Его спросили о пепле. Он ответил: «Это пепел, оставшийся от всеобщего пожара при гибели мира». Таким образом, тут переплетаются истории о планете, упавшей на Землю и послужившей концом света, и о Венере, приснившейся матери танского поэта. Смерть поэта сравнивается с таким масштабным действием, как конец всего мира и падение звезды.

Следующие две строки описывают характер Ли Бо:

Вы носили высокую шапку и длинный меч на поясе,
Мечом Вы искусство владели и были преисполнены удивительных чувств.

Первая строка отсылает нас к «Скорби изгнанника — Лисао» Цюй Юаня (еще один поэт, чувства которого были близки Хуан Цзинжэню):

Себя высокой шапкой увенчаю
И удлиню нарядный пояс свой [7, с. 143].

В чуских строфах описание подобного наряда служит для иносказательного изображения человека выдающихся моральных качеств, т.е. такого, каким был Ли Бо в глазах Хуан Цзинжэня.

Вторая строка двустихья перекликается со словами самого Ли Бо («Пишу Ханю из Цзинчжоу»): «Я простой человек из Лунси (район Шаньси, Сычуань), брожу по землям Чу и Хань (Хубэй, Хунань). В пятнадцать лет уже освоил мастерство владения мечом, ходил к различным князьям, мечтая стать чиновником. В тридцать писал сочинения, ходил к высокопоставленным чиновникам, желая получить должность. Хотя росту во

мне нет и семи чи, но в душе у меня прекрасные и высокие устремления». Все эти слова можно отнести и к Хуану. Недаром и он сам, и современники, и потомки находили много общего и в чувствах, и в событиях жизни двух поэтов. Хуан точно так же прекрасно владел мечом, так же ходил за помощью к различным покровителям-меценатам, чтобы получить должность, и был поначалу полон надежд и высоких устремлений.

Далее Хуан Цзинжэнь показывает, что великий Ли Бо впитал традиции «Шицзина» и чуских строф и создал свой уникальный стиль:

Вы были воспитаны на стихах Цюй Юаня и Сун Юя и достигли уровня «Великих Од»,
Размашистая кисть впитывала свет солнца и луны, превращая его в прекрасные стихи.

У самого Ли Бо в одном из стихотворений есть такие строки:

Уж боле нет Великих Од,
Никто не молвит: «Как я пал!»
...И голос правды — слаб же он:
Был Скорбный человек один [8, с. 426].

Это стихотворение было первым из пятидесяти девяти в целом цикле «Преданья старины 古风». «Великие Оды», упоминающиеся и у Ли Бо, и у Хуана, — раздел в, пожалуй, самом знаменитом литературном памятнике древности «Шицзине», служившем классическим поэтическим каноном в течение тысячелетий. Исследователь творчества Ли Бо С.А. Торопцев пишет, что цикл «Преданья старины» — «историко-литературный манифест Ли Бо, который сетует, что давно нет высокой поэзии, нет мудреца, кто, подобно Конфуцию, мог бы самокритично сказать — я так пал, что уже не приходит ко мне во сне идеальный правитель» [8, с. 426]. И одинокий «Скорбный человек» — это, конечно же, Цюй Юань, автор поэмы «Скорбь изгнанника». Отсылая читателя именно к этому произведению Ли Бо, Хуан также сетует на несправедливость современной ему жизни. Для него танский поэт — последний, кто достиг уровня Цюй Юаня и Великих Од, а современным поэтам до былых высот еще далеко...

При жизни у Вас не было своего пристанища,
А сегодня Ваша могила вызывает раздумья [у многих людей].

Мы видим раздумья поэта о нелегкой доле великого человека. Ли Бо по своему духу был странником, вечным путешественником, это роднило его с Хуаном, который провел большую часть жизни в странствиях. Часть его путешествий была совершена в поисках признания у высших мира сего. Пристанище здесь — это не только конкретное жилье, а скорее именно достигнутая цель, реализованные высокие устремления. И это опять вызывает глубокие раздумья у Хуана, который также чувствовал фрустрацию из-за невостребованности своего таланта. Однако преклонение последующих поколений перед Ли Бо вызывало у цинского поэта слабую надежду на то, что и его смогут оценить по достоинству, но, к сожалению, только потомки.

Когда Вы были трезвы, усердно работали, а выпив вина, писали по тысяче стихов,
Несомненно, это сама природа писала Вашей рукой.
Всему на Земле нет нужды быть в Ваших руках,
Вы можете искать бессмертия и пить вино.

В последних четырех строках первой части поэмы Хуан пишет о гармонии в отношении Ли Бо и природы — как будто сама природа, естественность водили кистью ве-

ликого поэта. Его талант находил выход именно в состоянии опьянения. С древности в китайской литературе считается, что употребление вина приводит человека в состояние, когда он наиболее близок к природе, — снимаются все запреты, установленные обществом и общественной моралью, и человек говорит то, что у него на душе, пишет стихи, не сдерживаемые ничем. Ли Бо же поднял это искусство на небывалую высоту. Академик В.М. Алексеев писал: «Поэзия вина в Китае, имеющая своими представителями таких больших поэтов, как Ли Бо и Ду Фу, описывает опьянение как идеал сверхчеловека и сверхпоэта, освобождающегося от уз грубой земли, и граничит с поэзией безумия» [9, с. 261]. Вино пробуждало в поэте вдохновение, желание творить. Оно же служило толчком к поэтическому озарению. Строки поэмы Хуана переключаются со стихотворением Ду Фу «Восемь бессмертных за вином»:

У поэта Ли Бо на доу вина —
Сто превосходных стихов.
В Чанъани на рынках знают его
Владельцы всех кабаков.
Сын Неба его пригласил к себе —
Он на ноги встать не смог.
«Бессмертным пьяницею» Ли Бо
Зовут на веки веков [10, с. 14].

У Хуана вдохновение не зависело так явно от степени опьяненности, но он также любил выпить вина, однако в отличие от Ли Бо впадал в еще большую тоску, и стихотворения, вышедшие из-под его пера в такие минуты, отличаются пессимизмом и унынием.

За всю жизнь Вы склоняли голову лишь перед [Се Тяо — губернатором] Сюаньчэна.
Двери, ведущие к его могиле, как раз напротив Ваших, — на зеленых горах Циншань.
Выдающиеся люди блистают, как и прежде.
А еще есть странник из Бацяо¹, едущий на осле,
Поэтому здесь места, которое стоит посмотреть.
Ничего удивительного, что горы на Янцзы такие живописные.

В этих шести строчках Хуан говорит о еще двух поэтах, один из которых был единственным, перед кем «склонял голову» Ли Бо, а второй — другой известный поэт эпохи Тан Цзя Дао. Оба этих поэта и Ли Бо похоронены по соседству.

Первый поэт — это знаменитый Се Тяо (464–499 гг.), живший во времена правления династии Южная Ци. Он прославился как поэт-пейзажист, был одним из представителей так называемой «поэзии в стиле Юнмин». Се Тяо служил начальником уезда Сюаньчэн, поэтому его часто называли «Се из Сюаньчэна». На южном склоне горы Циншань, что на юго-востоке уезда Данту (пров. Аньхуэй), он построил себе дом. А Ли Бо, всю жизнь почитавший больше других именно этого поэта (это видно еще и из того факта, что в последний год своей жизни сразу после болезни он отправился в Сюаньчэн на поклон к местам, связанным с Се Тяо), похоронен также на горе Циншань (хотя сначала его могила находилась на горе Луншань, в 817 г. ее перенесли сюда).

Далее Хуан говорит о «выдающихся людях». По-китайски 风流 — фэнлю, очень многозначный образ. Это целое направление, зародившееся в эпоху Шести династий, особый стиль жизни, свободный от всех запретов, сочетавший в себе неограниченную

¹Бацяо находится в 25 ли к востоку от уезда Чанъань в провинции Шэньси. Танский поэт Цзя Дао жил там и сочинял стихи. Его называли «Странник из Бацяо на ослике».

свободу и даосское отношение к жизни. Такой же стиль жизни был характерен и для Ли Бо, к нему стремился и Хуан Цзинжэнь.

Еще один поэт, о котором говорится в этой части поэмы, — танский Цзя Дао (779–843), могила которого также находится в уезде Данту. До наших дней дошли разные истории о нем, о том, как он писал стихи, сидя на своем ослике и декламируя их вслух. В одной из этих историй рассказывается о том, как Цзя Дао в очередной раз ехал по улице столицы, вдруг налетел сильный осенний ветер, всю землю засыпали желтые опавшие листья. Это вдохновило Цзя Дао на написание строчки «В опавшей листве вся столица Чанъань». Некому человеку по имени Чжи понравилась эта строка, написанная под воздействием вдохновения. Он попросил Цзя Дао дополнить строчку еще одной, чтоб получилась парная надпись. Однако уже ничего не выходило, ибо поэт и сам не понимал, как это у него получилось.

Не только близость захоронений заставила Хуана вспомнить о Цзя Дао. Имя этого танского поэта упоминается Хуаном достаточно часто. Что-то схожее было и в их судьбах — отсутствие положительного результата на экзаменах, соответственно невозможность занять высокий пост и отсюда — разочарование, выливавшееся в тоску и печаль. Цзя Дао называли «поэтом горя и страданий». В принципе это прозвище можно применить и к Хуану.

На горах на Янцзы в древности при свете ясной луны
Поэт, выпив вина, спит, и его не добудиться.
Человека в парчовом халате и на расписной лодке уже нет здесь.
Лишь слышно, как тихая песня летит над водами Янцзы.
Стихи, оставшиеся после поэта, распространяются по свету,
Вскармливая десятки тысяч новых поэтов.

Легенда гласит: Ли Бо катался на лодке, выпив слишком много вина, пел песни, а потом попытался обнять луну, отражавшуюся в воде, упал в воду и утонул. Именно на эту легенду намекает Хуан в первых двух строчках этой части поэмы. А далее он отсылает читателя к истории, упоминавшейся в жизнеописании Ли Бо: «Цензор Цуй Цзунчи был понижен в должности и стал чиновником в Цзиньлине. Часто вместе с Ли Бо писал стихи, пил вино, пировал. Однажды они лунной ночью сели в лодку и отправились из Цайшици в Цзиньлин². Ли Бо был в парчовом халате. Стоя посреди лодки, он улыбался так, как будто был совсем один».

С Вами одновременно жил и поэт Ду Фу.
Его могила, однако, находится на берегах реки Сян,
Я ездил на юг и был там,
Над горой Хэншань³ облака печально простираются до горы Цзюи⁴.

Хуан Цзинжэнь вспоминает другого выдающегося современника Ли Бо — великого Ду Фу (712–770), это еще один поэт, которого он почитал. Могила Ду Фу находится в провинции Хунань в том месте, где в реку Сянцзян впадает ее главный приток Лэйшуй. В 1770 г. (спустя тысячу лет после смерти поэта) Хуан Цзинжэнь ездил на могилу Ду Фу, чтобы почтить его память.

²Цзиньлин — совр. Нанкин.

³Хэншань — гора в провинции Хунань.

⁴Цзюи — гора в провинции Хунань.

Если говорить о месте последнего пристанища поэта,
И правда, оно созвучно атмосфере его стихов.
Мне всегда казалось, что этот старец [Ду Фу] слишком полон гнева и негодования.
У кого мне учиться, как не у Вас, [Ли Бо]?

Последняя фраза этого отрывка крайне важна для всей поэзии Хуана, для понимания ее сути. Единственным и самым главным учителем Хуана из всей плеяды выдающихся поэтов был Ли Бо. Хуан уважал и почитал еще ряд поэтов, но Ли Бо всегда был для него на первом месте.

За сто лет жизни нужно веселиться.
За день тысячу чаш — все равно недостаточно.
С улыбкой смотрю на то, как дровосек и пастух беседуют в лучах заходящего солнца,
Когда умру, похороните меня у подножия этих гор.

Это последнее четверостишие поэмы «Могила Ли Бо». Последняя строка вызывает у подготовленного читателя еще одну ассоциацию — с поэтом эпохи Западная Цзинь Лю Лином (221–300). Он был одним из членов так называемого литературного и духовного объединения «Семь мудрецов из Бамбуковой рощи» и жил во времена мрачного правления семейства Сыма. Атмосфера в стране давила и на него, он был недоволен установившимися пустыми, надуманными ритуалами. От этого Лю Лин все время пил вино, в котором и топил свои мрачные мысли. Кроме того, Лю Лин был даосом, а культ вина был связан с даосским мировосприятием, это был важный элемент быта даосских отшельников. Самое знаменитое произведение Лю Лина посвящено в том числе и вину — «Воспеваю вино и добродетель». Когда он уезжал в горы, то велел, чтоб за ним следовал слуга с вином и лопатой (вино — чтоб употребить его в любой момент, лопата — закопать, если он упадет замертво). «Если я умру, закопай меня там же» — таковы его знаменитые слова. Из этого эпизода видно, каким эксцентричным он был, и это определение применимо и к Ли Бо, и к самому Хуан Цзинжэню. Про пристрастие Хуана к вину мы уже писали выше — это было свойственно ему, как, впрочем, и многим другим людям поэтического склада души. И в этом он чувствовал свое родство со знаменитым предшественником. Поэтому Хуан Цзинжэнь высказывает в последнем четверостишии желание быть похороненным недалеко от могилы своего кумира.

Итак, мы рассмотрели содержание поэмы «Могила Ли Бо». Теперь стоит сказать несколько слов о том, как построена поэма. Хуан Цзинжэнь осознанно выбрал именно стиль *гутти*. Как мы говорили выше, этот стиль давал больше свободы, простор для воображения и самовыражения. Кроме необходимости соблюдать рифму, поэт был практически ничем не связан. И даже рифмы использовались более свободно. Так, например, в уставных стихах *люйши* рифма должна была быть одна — от начала до конца. В стихах стиля *гутти* рифму можно было менять, и не по одному разу — в каждых двух строках, в четырех или спустя более десяти строчек. Разрешалось использовать две рифмы ровного тона или косога, а также они могли пересекаться.

Кроме того, параллелизмы не были чем-то обязательным для стихов стиля *гутти*. В уставных стихах *люйши* они были важной частью произведения. В стихах древнего стиля их использование обуславливалось стилистическими нуждами, а не установленными нормами стихосложения. В параллельных строчках могли употребляться одни и те же иероглифы, а также не было строгих правил по отношению к противопоставлению ровного-косога тонов. Стоит заметить, что в стихах *гутти* вообще могло не быть параллелизмов.

Еще одной особенностью стихов *гути* была возможность менять количество иероглифов в строке, что мы как раз и видим в поэме «Могила Ли Бо». В этом произведении присутствуют строки из двух иероглифов, первые две строки — из пяти, остальные — из семи. Это, кстати говоря, было одним из немногих правил — сколько бы ни менялось в строке количество слов, большинство должно было быть все-таки семисловными. Поэтому их обычно и называют «семисловные стихи в древнем стиле — *ци янь гути*». Исследователь китайского стихосложения Ван Ли называл Ли Бо поэтом, наиболее преуспевшим в создании стихотворений с равновеликими строками. В частности, одно из самых известных и любимых Хуан Цзинжэнем стихотворений Ли Бо «Трудны дороги в Шу» написано как раз в таком стиле.

Из всего вышесказанного видно, почему мы называем это произведение «программным» для Хуан Цзинжэня. Оно отражает его отношение к великому предшественнику, показывает всю глубину почтения к нему, его стремление быть похожим на великого танского поэта. Принципы одного из стилей, распространенных в период правления династии Тан, также нашли отражение в произведении цинского поэта Хуан Цзинжэня, который использовал все художественные средства, чтобы показать, что он достоин Ли Бо, достоин называться его духовным потомком.

Литература

1. *Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X–XI веков. Жанры ши и цы. Л., 1979. 246 с.
2. *Ли Бо.* Пейзаж души: Поэзия гор и вод / Пер. с кит. С. А. Торопцева. СПб., 2005. 316 с.
3. Хуан Чжунцзэ шисюань (Избранные стихотворения Хуан Чжунцзэ). Гонконг, 1983. 242 с. 黄仲则诗选
4. Ли Бай шигэ цюаньцзи (Полное собрание сочинений Ли Бо). Пекин, 1997. 892 с. 李白诗歌全集. 北京, 1997
5. Ляндансюань цзи (Сборник Ляндансюань). Шанхай, 1998. 687 с. 两当轩集. 上海, 1998
6. Хуан Баошу, Чэнь Би, Чжан Гу. Хуан Чжунцзэ яньцзю цзыляо (Материалы для изучения Хуан Чжунцзэ). Шанхай, 1986. 624 с. 黄葆树, 陈弼, 章谷. 黄仲则研究资料. 上海, 1986.
7. *Федоренко Н. Т.* Цюй Юань. Истоки и проблемы творчества. М., 1986. 154 с.
8. Книга о Великой Белизне. Ли Бо: Поэзия и Жизнь / Сост. С. А. Торопцев. М., 2002. 478 с.
9. *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе. М., 2002. Кн. 1. 574 с.
10. *Ду Фу.* В поход за Великую стену. СПб., 2006. 272 с.